В.Э.Бойков,
доктор философских наук, профессор

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА (Некоторые подходы социологического анализа)

Определение признаков социального структурирования общества, выявление и описание элементов социальной структуры, анализ механизмов, определяющих изменения социального положения различных категорий населения, относятся к центральным и наиболее сложным проблемам социологии и статистических исследований.

В общетеоретическом плане та или иная трактовка социальной структуры общества имеет ключевое значение в объяснении природы многих социальных процессов. Не менее значимы научные представления о социальной структуре и характеризующие ее конкретные данные для эмпирических исследований. Изучение процессов социализации личности, социальных институтов, практически любых общественных отношений возможно лишь в органической связи с различными социальными группами, к которым принадлежат люди как носители общественных отношений и в которых они играют определенные социальные роли.

Кроме того, данные, характеризующие количественный состав возрастных, половых, профессиональных, территориальных, этнических и других групп и общностей, служат отправным пунктом проектирования выборки обследуемых респондентов (работников, домохозяйств и др.), позволяют оценить репрезентативность полученных результатов и экстраполировать их на генеральную совокупность населения страны или конкретного региона, социальной когорты и т. д.

Изучение социальной структуры имеет не только научно-познавательное, но и большое практическое значение. Эффективность регулирующей деятельности органов государственной власти и муниципального управления в существенной мере зависит от адекватности принимаемых решений особенностям социальной структуры общества, от умения разработчиков законов и нормативных актов учитывать интересы, менталитет и другие социальные качества общественных групп. Так, например, развитие производства диктует необходимость учета рабочей силы, реорганизация коммунального хозяйства – знания размеров и уровня доходов домохозяйств, реформирование пенсионной системы – достоверного прогноза де-

мографической ситуации и т. д. Определяя экономические и организационно-правовые нормативы при проведении реформ в пенсионной системе, налогообложении, страховании, миграционной политике, органы государственного управления затрагивают нужды и условия жизни больших групп населения. И если управленческие действия не согласуются с интересами многих людей, они ищут и нередко находят пути достижения своих целей в обход официальных правил. Но такие взаимоотношения властей с населением чреваты социальными конфликтами, коррупцией, правовым произволом и другими негативными проявлениями.

Следовательно, детальное знание социальной структуры является одной из важных предпосылок обеспечения адресной государственной политики, эффективного распределения имеющихся ресурсов потребления, предотвращения очагов социальной напряженности, дестабилизирующих общество и вызывающих отчужденное отношение населения к власти.

Говоря об «анатомии» социальной структуры общества, следует, прежде всего, заметить, что пока еще недостаточно научных знаний, позволяющих сконструировать такую модель социальных параметров, которая позволила бы воспроизвести во всей полноте совокупность основных черт социальной дифференциации в реально функционирующих обществах. Не случайно трактовка содержания и эмпирическая интерпретация понятия «социальная структура» остаются дискуссионными. Тем не менее в научной, учебной и справочной литературе накоплен богатый арсенал теоретико-методологических положений и фактических данных, характеризующих структуры различных типов обществ.

Существуют разнообразные школы исследователей и подходов в изучении социальной структуры. Особенности каждого из подходов выражаются в том, что внимание акцентируется на разных основаниях конструирования структуры социальных систем. В их числе выделяют различные элементы общества (группы людей, социальные институты и социальные роли), разнообразные показатели социальной неоднородности общества (социально-экономические, социально-статусные, нормативно-ценностные и др.) типы межгрупповых отношений и функциональное влияние общественных групп на социальные изменения и т. д.

Одним из ориентиров для понимания социальной структуры общества может служить ее определение как совокупности социально-экономических, социально-демографических, профессионально-квалификационных и этнических групп, территориальных и других общностей. Каждое из этих взаимосвязанных измерений социальной структуры выдвигает на передний план различные признаки де-

ления общества – например, на классы, возрастные категории, социальные слои, городское и сельское население и др.

Традиционными источниками данных о социальной структуре общества в широком смысле трактовки этого понятия являются общенациональные переписи населения, проводимые органами государственной статистики, как правило, один раз в десять лет. В них отражены группировки населения по признакам пола, возраста, образования, вида занятий, источников средств существования, национальности, места жительства, жилищных условий. В середине общенациональных межпереписных периодов осуществляются выборочные социально-демографические обследования населения (микропереписи). Определенное научное и практическое значение имеют данные специальных выборочных обследований Госкомстата России (уровня жизни, занятости, потребительских расходов населения и иные). Их ценность состоит в том, что они характеризуют макросоциальную структуру населения страны, а также мезосоциальную структуру населения, представляющего территориальные общности жителей республик, краев, областей и др.

Некоторые количественные характеристики социальной сферы общества дает ведомственная статистическая отчетность, отражающая профессионально-квалификационную структуру занятого населения, состояние здоровья и медицинское обслуживание, развитие образования, масштабы миграции и другие аспекты жизнедеятельности общества.

При всей ценности этой социальной информации наблюдается ее явный дефицит, восполнение которого необходимо для оптимизации государственного управления и более глубокого научного осмысления общественных процессов.

Этот дефицит обусловлен, в частности, радикальными изменениями социально-классовой структуры российского общества, связанными со сменой форм его экономического и политического устройства, происшедшей в 90-х гг. XX в. Речь идет о социальной структуре, толкуемой учеными в узком смысле слова, которая определяется доминирующими в обществе социально-экономическими отношениями и, в свою очередь, обусловливает основные социальные различия между слоями и группами людей.

Наиболее очевидный и заслуживающий специальных исследований социальный сдвиг выразился в том, что за относительно короткий период тысячи людей в России сделали карьеру высокодоходных предпринимателей. Другое не менее важное изменение в социальной структуре российского общества проявляется в существенном расхождении, с одной стороны, между уровнем образования и профессиональной подготовки десятков миллионов людей,

с другой стороны, их социально-экономическим положением. Для изучения этих и подобных им социальных трансформаций требуется коррекция существующей методологии и методики статистических и социологических обследований.

Массивы имеющейся информации разрозненны, отражают лишь отдельные характеристики общества. Социальная информация, особенно содержащаяся в отчетности о численности различных категорий работников, безработных, мигрантах, учащихся и т. д., отражает количественный состав этих категорий населения в обособленном виде. Но, как известно, любой человек включен одновременно в определенную демографическую, этническую, территориальную и другие группы. Разрозненность видов социальной информации не позволяет создать многомерную картину общественной дифференциации и социально-классовой структуры общества в целом.

Поэтому при анализе реально существующей социальной структуры общества требуется разработка той или иной модели социально значимых показателей для ее измерения с целью совмещения на индивидуальном уровне данных об общественном положении, основных характеристиках и социальных ролях людей, образующих разного рода группы. Только на этой основе возможно более-менее четкое определение положения общественных групп в системе социальных координат и выявление связей между их социально-экономическим положением и, например, гражданской активностью, между величиной получаемых доходов и ролью в системе общественных отношений. Для решения данной задачи требуются специальные выборочные социологические исследования с применением принципов и методов изучения населения, корреспондирующихся с происшедшим и социальными изменениями.

В общем плане вопросы, заслуживающие пристального внимания в исследованиях социальной структуры российского общества, можно определить следующим образом: *какие признаки необходимы и достаточны для выделения общественных групп, существенно отличающихся друг от друга в системе социально-экономических и политических отношений? Какой стала конфигурация социальной структуры в период радикальных российских реформ? Какова специфика общественно значимых качеств у представителей разных групп людей, определяемая их социальным положением?* Речь идет об особенностях сознания и поведения людей, проявляющихся в разных областях жизни – от естественного воспроизводства населения до потребления духовных ценностей.

Одна из известных в социологии традиций изучения социальной структуры общества выражается в выделении классов в качестве базовых элементов его строения. Именно классовая теория в совет-

ский период развития отечественной социологии служила методологической основой обоснования неизбежности классовой борьбы в капиталистическом обществе, изучения форм и степени социальной дифференциации и социальных изменений. Отправным пунктом этой теории служило определение классов, сформулированное В.И.Лениным в статье «Великий почин».

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[1].

Рассматривая указанные в определении признаки классов, следует обратить внимание на то, что в его трактовке многими учеными на передний план зачастую выводились не социально-экономические основания выделения классов, а идеологическая и политическая интерпретация их роли в истории общественного развития. В силу этого в марксистской теории классов выявлялись не столько реальные изменения социально-классовой структуры того или иного общества, сколько выпячивались противоречия между классами

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15. В ней пропагандировался безвозмездный ударный труд рабочих на коммунистических субботниках, который оценивался в качестве исторического шага на пути к свободной и сознательной дисциплине трудящихся. Но еще большее значение имело определение конечной цели социализма, состоящей в «уничтожении классов».

Достижение бесклассового общества предполагалось в весьма отдаленной перспективе и связывалось не только со свержением помещиков и капиталистов, но также с отменой всякой частной собственности и ликвидацией различий между городом и деревней, людьми физического и умственного труда на основе развития производительных сил. Эта цель стала для советской власти одним из главных социальных ориентиров, а также идеологической основой партийно-государственного управления обществом.

Огосударствление собственности на средства производства, уравнительное распределение социальных и материальных благ, другие меры насаждения социальной однородности общества объективно породили новые формы отчуждения трудящихся от средств производства, от труда. Пытаясь компенсировать эти негативные следствия социально-экономической политики, власти вынуждены были так распределять материальные и прочие ресурсы, устанавливать такие нормативы потребления, которые вопреки главной доктрине социалистических преобразований породили новые формы социально-экономического неравенства между рабочими, крестьянами, работниками умственного труда, а также внутри этих классов.

при капитализме и, напротив, ретушировалась социальная дифференциация в угоду доктрине вызревания социальной однородности общества при социализме. Идеологические лекала, по которым были скроены научные концепции в этой теории, обусловливали различные манипуляции классообразующими признаками: одни из них признавались утратившими силу, роль других, напротив, преувеличивалась.

Отголоски этого проявляются в научной литературе и в настоящее время. С той лишь разницей, что прежде в качестве гегемона общественного развития рассматривался рабочий класс, а теперь (во всяком случае, применительно к России) слой предпринимателей.

Но если оставить в стороне идейно-политический и социальный радикализм в рассмотрении классов, то следует отметить, что указанные в ленинском определении их социально-экономические признаки не утратили научно-познавательного значения.

При всей мозаичности социальной структуры российского общества, связанной со сложным сосуществованием укладов экономических отношений (в том числе «теневых»), отмеченные признаки классов, как представляется, вполне применимы в изучении социально-экономической дифференциации общества, противоречий в отношениях труда и присвоения, источников социально-трудовых конфликтов, причин социального отчуждения. Исследования классовой структуры общества могут быть продуктивными в анализе интересов крупных общественных групп, идеологических процессов в обществе, тенденций формирования политических партий и других феноменов, обусловливающих консолидацию или, напротив, дезинтеграцию общества.

При этом следует подчеркнуть, что *признаки классов представляют собой не простой набор, а целостную систему функционально взаимосвязанных критериев,* каждый из которых имеет свое конституирующее значение в определении социально-экономического положения общественных групп.

В социологической литературе используются также трактовки понятия «класс» как статусной, профессиональной или иной группы, как слоя и т. д., что обусловлено смешением классовой теории в рассмотрении социальной структуры общества с не менее широко известной в науке теорией социальной стратификации.

Теория социальной стратификации наиболее обстоятельно разработана рядом американских и западноевропейских социологов. Ее методологическое обоснование представлено в работах крупного американского социолога XX столетия Толкотта Парсонса: «Социальная стратификация понимается здесь как дифференцирующее ранжирование индивидов данной социальной системы. Под страти-

фикацией понимается также способ рассмотрения индивидов как занимающих более низкое или более высокое социальное положение друг относительно друга в некоторых социально важных аспектах. Наша первая задача – выяснить, почему подобное дифференцирующее ранжирование может рассматриваться как основа основ социальных систем, и в каком именно отношении оно представлено важным. Подобное ранжирование – лишь один из способов, при помощи которых могут быть различены индивиды»[1].

В отличие от классовой теории в стратификационном подходе концентрируется внимание не столько на экономических критериях и показателях, характеризующих экономическое положение людей (хотя и они учитывается), сколько на оценках, в значительной мере связанных с субъективным фактором воспроизводства социальных отношений и формирования общественных групп.

Например, Т.Парсонс, основываясь на ценностной оценке социального статуса людей, предложил следующие шесть признаков для ранжирования индивидов и их деления на страты: 1) принадлежность индивида к родственной ячейке, определяющая его социальный статус; 2) его личные качества (пол, возраст, ум и др.); 3) достижения, рассматриваемые как ценность результатов действий; 4) владения (не обязательно материальные); 5) авторитет как институционально признанное право влиять на окружающих людей; 6) власть как возможность обеспечить влияние в обществе, получить общественное признание и узаконенный статус как символ признания. При этом Парсонс подчеркивает, что предложенная им классификация, построенная на основе дифференцированной оценки, ни в коей мере не является окончательной и исчерпывающей[2].

Действительно, существует много моделей стратификации, в которых используются разные критерии ранжирования социального положения людей и выявления иерархии социальных отношений между ними. Выбор той или другой модели определяется целями и задачами социологических исследований. Например, в изучении электорального сознания и, в частности, факторов, определяющих политический выбор различных категорий граждан, немалое значение имеет выявление таких статистических групп людей (страт), которые отличаются друг от друга показателями уровня жизни, источниками доходов и тесно связанными с этими показателями особенностей образа жизни, ценностных ориентаций, ментальности.

---

[1] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. Изд. 2-е. М., 2002. С. 354.
[2] См. там же. С. 362–364.

В исследовании сугубо социальных процессов и положения социальных групп и общностей стратификационные модели содержат другие критерии и показателями. В них, как правило, концентрируется внимание на трех измерениях положения социальных страт в обществе: во-первых, на оценке доступа разных групп людей к экономическим ресурсам (владение собственностью, уровень доходов, возможности потребления и др.); во-вторых, на оценке их места в иерархии властных отношений (доступ к рычагам административного влияния, связь с системой политического управления, участие в принятии решений и т. д.); в-третьих, на оценке достижений социально-статусного характера (уровень образования, престиж должности или рабочего места, возможности потребления социальных благ и духовных ценностей и т. п.). В эмпирических исследованиях обычно используется один или небольшое количество признаков социальной стратификации, так как их умножение даже при использовании современных компьютерных программ анализа создает большие трудности качественно-количественного объяснения социальной стратификации общества. При использовании различных показателей социального измерения число выделяемых страт (социальных слоев, групп, общностей) редко превышает 5–6 социальных категорий людей.

Одним из примеров использования теории социальной стратификации общества является труд известного российского экономиста и социолога академика РАН Т.И.Заславской. Концентрируя внимание на механизмах социального развития, она пишет: «Ни социальные классы (отличные по месту в общественном производстве), ни вертикально иерархизированные страты (имеющие разный социальный статус) не являются гомогенными акторами, выполняющими ясно различимые функции и роли в процессе преобразования общества. Попытки отождествлять действующих лиц современной российской драмы с социальными классами или стратами не дают хорошего результата. Для адекватного решения задачи нужно изучать не столько социально-экономический, сколько инновационно-деятельностный аспект структуры общества»[1].

В рамках этого подхода в современном российском обществе Заславская выделяет шесть иерархических слоев: правящая политическая и экономическая элита (менее 1% населения), верхний слой (7%), средний (примерно 20%), базовый (более 60%), нижний слой (7%) и социальное дно (5% дееспособного населения Российской Федерации)[2].

---

[1] *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М., 2002. С. 156–157.

[2] См. там же. С. 180, 254 и др.

Если в качестве основного критерия социального деления современного российского общества принять уровень доходов, то в принципе с такой оценкой социальной стратификации можно согласиться. Однако едва ли было бы верным в анализе социальной структуры общества отказываться от понятий «класс», «страта» «социальный слой» и других лишь на том основании, что процессы социального структурирования современного российского общества еще не обрели устойчивых очертаний. Справедливым применительно к российской действительности представляется замечание Ю.В.Арутюняна: «В прошлом, когда классов в научном представлении этого понятия у нас не было, они как «дружественные» находились в центре внимания отечественной квазисоциологии типа исторического материализма. Теперь, когда классы в реальном смысле действительно появились, – они практически изымаются из отечественной социологии»[1].

Обобщая изложенное, можно сделать вывод. В изучении социальной структуры современного российского общества и перспектив ее развития вполне применимы классовый и стратификационный подходы, которые не альтернативны, а взаимно дополняют друг друга. При этом следует иметь в виду, что в них концентрируется внимание на разных основаниях социального структурирования общества, на разных типах отношений между общественными группами и формах их проявления.

В классовой теории социальное деление в обществе, формирование отношений между классами, специфика их интересов и другие данные рассматриваются на основе показателей, которые принято называть объективными и в известной мере независимыми от общественного и индивидуального сознания. В теории социальной стратификации во главу угла ставится социальный статус людей, определяемый доминирующими в обществе нормами отношений, ценностными представлениями, традициями социального наследования, обладанием властью, конкретными доходами представителей разных групп и другими показателями социального деления общества. Эти показатели не покрываются классовой теорией, но и не противоречат ей.

Обратимся к одному из размышлений Т.Парсонса по поводу несоответствия между общественным статусом, определяемым доходом, и профессиональным статусом индивида. «Например, все согласятся с тем, что различие между верхними границами доходов, получаемых предпринимателями или юристами, с одной стороны, и препо-

[1] *Арутюнян Ю.В.* О социальной структуре общества постсоветской России// Социологические исследования. 2002. №9. С. 29.

давателями университетов и министрами – с другой, не точно определяет относительный престиж обладателей этих статусов. Всемирно известный ученый, будучи профессором университета с доходом 10 000 долларов, не только достиг вершин в своей профессии, но и равен статусу юриста крупной корпорации, который имеет в десять раз больший доход. Но пока ученый в состоянии поддерживать «респектабельный» уровень жизни, принимать у себя друзей, соответствующим образом одевать семью и дать хорошее образование детям, для него сравнительно безразличен факт, что он не может позволить себе тех излишеств, которые может позволить обладатель стотысячного дохода. Он просто не конкурирует в области «потребления напоказ», которое возможно для юриста, но невозможно для него»[1].

Наложим описанную ситуацию на современную российскую действительность. В ней, как известно, наблюдается невиданное в новейшей истории цивилизованных обществ расхождение между профессиональными данными и возможностями потребления у огромного числа наемных работников гуманитарных и других массовых профессий. Эту ситуацию трудно описать в рамках нормативно-нравственных категорий типа «потребление напоказ», ибо в ней выражается социально-экономическое расслоение, определяемое не традициями социального наследования, личными качествами людей, распределением благ, основанном на нормах или общепринятых правилах, используемых в стратификационном подходе. Речь идет о процессах и противоречиях, производных от новой системы социально-экономических и политических отношений и, прежде всего, отношений собственности. В изучении этих процессов требуется использование всего арсенала научного анализа социальной структуры общества и его дальнейшее развитие.

[1] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. С. 378.